

Идентичность – привилегия человека

П. С. Гуревич*

Мир человеческий – это единая осмысленность, в основе которой лежит постоянная, трудно насыщаемая потребность человека проникнуть в собственное личностное ядро, осознать себя как индивидуальное, неповторимое существо. Человек стремится познать самого себя. Все его попытки найти в себе специфически человеческое свойство или дать автохарактеристику отражают, в конечном счете, действие механизма идентификации. Но это чувство – весьма редкий феномен. Оно – удел избранных. В статье приводится различие между понятием «идентизации» и «идентификации».

Ключевые слова: идентичность, идентизация, идентификация, личность, человек, психика, бытие, философия, психосфера, этнос.

Identity – Human Privilege

P. S. Gurevich

The word of a man- the unified meaning, in the basis of which there is a constant hardly satisfied human need to penetrate into his own personal core, to realize himself as an individual and unique creature. A man strives to know himself. All his attempts to find in himself a specific human quality or to characterize himself reflect the work of an identification mechanism. But this sense is a very rare phenomenon. It is the destiny of the chosen. The article describes a difference between the concepts of "indentization" and "indentification".

Key words: identity, indentification, indentification, personality, human being, psyche, being, Philosophy, psychosphere, ethnos.

Устойчивый образ индивидуальности

Пожалуй, лишь чисто теоретически можно представить себе такую личность, которая проникла в ядро собственной субъективности, постигла себя, создала внутренне устойчивый образ своей индивидуальности. Однако именно та часть психики, которая называется Я, дает возможность человеку вести себя ответственно, соотносясь с моралью, с интересами других людей. Я – зрелый сегмент человеческой психики, внутри которого и происходит процесс идентификации.

Индивид, заброшенный в мир таинственных вещей и явлений, просто не в состоянии самостоятельно осознать назна-

чение и смысл окружающего бытия. Он нуждается в системе ориентации, которая дала бы ему возможность отождествить себя с неким признанным образцом. Вот почему огромную роль в культурологии играет проблема культурной идентичности.

Впервые такого рода механизмы были рассмотрены в психологической концепции Фрейда, возникшей на основе психопатологического наблюдения, а затем распространены на «нормальную» духовную жизнь; Фрейд рассматривал идентификацию как попытку ребенка (или слабого человека) перенять силу отца, матери (или лидера) и тем самым уменьшить чувство страха перед реальностью.

* Гуревич Павел Семенович – доктор философских наук, доктор филологических наук, зав. сектором истории антропологических учений Института философии РАН. E-mail: gurevich@rambler.ru

Статья печатается при поддержке гранта РФФИ №11-03-00599а «Проблема идентичности в современной культуре».

Современные исследования позволяют значительно расширить представление об этом механизме. Мир человеческих переживаний чрезвычайно сложен. В основе многих эмоциональных состояний, какими являются, например, любовь, нежность, сострадание, сочувствие, ответственность, лежит нечто такое, что неизменно предполагает взгляд не только на самого себя, но и на других. Ведь эти чувства по самому своему определению «открыты», «направлены» на иной объект. Следовательно, глубинная потребность человека состоит в том, чтобы постоянно видеть перед собой какие-то персонифицированные образцы.

Человек, прежде всего, ищет их в ближайшем окружении. Но оно так знакомо и подчас однообразно. Иное дело – экран. Здесь творится необычный, иногда эксцентричный образ, в котором зримо воплощаются мои собственные представления о естественности, нежности, глубине чувства. Обратимся, например, к образу купринской колдуньи, созданному киноактрисой Мариной Влади (1955). Скуластая, с прозрачными глазами, она пронзила сердца миллионов людей. Образ так убедительно символизировал возвращение к естественности: вот она, босоногая, с распущенными по плечам белокурой прядями, настоящее дитя природы...

Гораздо чаще человек – существо мятущееся, постоянно меняющее собственные представления о самом себе. Индивид живет в мире напряженных и противоречивых мотивов, стремлений и ожиданий. Ему постоянно нужна опора. Он все время пытается соотносить свое поведение с персонифицированным образом. Девочки играют в дочки-матери – это непреходящий, постоянно воспроизводимый ритуал игры. Идеал многих юношей персонифицировался в Джоне Ленноне – пусть зыбкая, но мода. Государственный чиновник стремится уподобиться вышестоящему. Кавалькады рокеров... Неформалы со своей эмблематикой... Люди пытаются выразить себя опосредованно, через систему ритуалов, стереотипов, готовых образцов.

Эта потребность отыскать и сотворить себе кумира, конечно же, сформировалась не сегодня. Брижит Бардо – идеал французской молодежи 1950-х гг. А что, собственно, в ней? «Конский хвост», основательно подведенные глаза с накладными ресницами, крупный, чуть капризный рот. Но разве дело в деталях? Кинозвезда, неизменная героиня многих (неравнозначных в художественном

отношении) фильмов, инфантильная, притягательная, золотоволосая девушка. Этот кинообраз приобрел символический характер, Брижит Бардо рисовали во фригийском колпаке – эмблеме Франции. В журналах мод появились манекенщицы, копирующие ее позы, прическу. Грим под Брижит Бардо оказался в огромном спросе.

Или еще один образ из того же десятилетия. Мэрилин – платиновая блондинка, секс-символ Голливуда. Тут уже и трагическая судьба, которая придавала особый оттенок ее красоте, не только подражание героине, но и размышление о человеческом долготерпении и страдании, что таятся под маской очаровательной соблазнительницы.

Понятно, что в основе персонификации лежит не только телесность, внешний облик, но и психологический тип личности. Например, В. Маканин открыл тип «барачного» человека, живущего между городом и деревней, принявшего невзыскательность быта за норму жизни, скученность и постоянные битвы с соседями – за норму человеческих отношений. Или, скажем, тип разочарованного романтика 1960-х годов («Один и одна»). А образ барда, рожденный песенной лирикой ушедших десятилетий? Тип «тургеневской девушки», долго служивший точкой отсчета для женских образов, созданных русской литературой...

Как-то в одной из детских радиопередач прозвучала фраза про эвенкийских мальчиков. Она мгновенно соткала в сознании ребят некий экзотический образ. Казалось бы, что тут феноменального? В стране есть и другие дети – буряты, казахи, удмурты. Но про других, как оказалось, нам пока неинтересно. А вот эвенкийский мальчик – это вообще нечто удивительное. Со всех концов страны пошли письма на радио. Ребята писали эвенкийскому мальчику. Редакция целый год поддерживала переписку. Сколько новых тем появилось! А ведь об этом никто и не помышлял.

Но вот вопрос: почему образ не похож на своего прототипа? Как происходит процесс отчуждения сущности от явленного на экране? Отчего один конкретный человек на экране вдруг вызывает массовое возбуждение, а другой – нет?

В 1943 г., например, американская радиозвезда Кэт Смит обратилась к слушателям с призывом приобретать военные облигации и добилась невероятного успеха. Миллионы женщин мгновенно отождествили себя с образом, который диктовался звучащим из приемника голосом и одновременно вырос-

тал из внутреннего мира радиослушательницы.

Богатую актрису, не имеющую семьи, сочли за скромную и бережливую хозяйку, за мать, встревоженную опасностью, которая угрожает его детям. Так что же, создатели передачи сознательно стремились к такой мистификации? Ничего подобного. Она возникла стихийно, в результате коллективного заблуждения слушателей. Случай с Кэт Смит, с ее радиомарафоном может до конца объяснить лишь ситуация, сложившаяся в США в условиях военного кризиса, когда миллионы смятенных людей искали спасения в символах семьи, дома, прочного домашнего быта.

В современном мире происходит процесс распада идентичности. Постмодернисты обозначают этот процесс как кризис идентификации. Они показывают, что сегодня индивид не располагает теми условиями, которые обеспечивали бы ему возможность адекватного и целостного восприятия самого себя. Самоидентичность личности разрушилась. Само понятие «кризис идентификации» было предложено Дж. Уардом. Оно относится, прежде всего, к отдельному человеку, оно описывает также и состояние современной культуры.

Чем же обусловлен данный процесс? Ловушкой оказывается открытость индивида по отношению к другому. Но ведь именно через других реализуется механизм идентичности. Однако индивида, который пытается выстроить коммуникацию, ждет разочарование. Там, где он рассчитывал отыскать некое человеческое содержание, оказывается пустота. Субъекта нет, а есть только социальные роли. Социальное замещает индивидуальное. Там, где человек рассчитывал обрести подтверждение своей самоидентичности, он наталкивается на безличные социальные позиции. Идентификация подменяется процессом позиционирования. Безличное тиражируется и даже клонируется, как подметил Ж. Бодрийяр. Там, где индивид рассчитывал на встречу с субъектом, обнаруживается просто социальный статус, некое место. Оказывается, человек выступает под неким псевдонимом, что гарантирует ему после смерти получить эмблему. Противостояние индивида и социума рождает не глубинный поиск тождественности, а «коллаж идентификаций» (Лерн). На социальном поле вместо личности обнаруживается всего лишь знак текста, пустое имя, «0».

Субъект отныне расщепляется на Я и Другого. Выстраивается линия Я – Другой –

Иной – Чужой. В этом спектре человек вынужден расстаться с процессом глубинного постижения себя через Другого. Он отныне занят иной работой. Надо не столько соотноситься с Другим, сколько обозначить дистанцию, которая выразит близость или чуждость окружающих людей. Рождается не взаимообогащение личностей, а механическое сопоставление разных социальных точек в дискурсе социальных систем. Встреча с Другим предполагает теперь возможность покрыть своим Я Другого или позволить Другому покрыть меня. Такой захват индивида описывается через лексику каннибалистического поглощения (психоанализ Фрейда). Другие варианты связаны с процессом замещения другого человека или полным ускользанием субъекта. Я нередко приспосабливается к Другому, к его образу и подобию. В свою очередь Другой обретает власть над конкретным индивидом. Означаемое утрачивает свою конкретность. На поверхности оказывается поток означающих. Субъект выступает у Лакана как эффект первичности означающего.

Прежде говорилось об идентификации конкретного содержания. Но что можно идентифицировать сегодня? Пустое место? Но стоит ли длить идентификационный дискурс в ситуации распада субъекта и объекта, социального и индивидуального, внутреннего и внешнего? Действительный процесс идентификации предполагает не удвоение предназначенного, не отражение его и даже не расщепление на образ и подобие.

Идентификация как процесс постоянного местонахождения себя предстает как способ существования на пределе самого себя, самовыписывания, где означающее полностью совпадает с означаемым, письмо самого себя (Нанси). Поскольку встает вопрос о вычеркивании места, об имении места, то мы должны рассматривать этот процесс как вычеркивание тела субъекта («тело дает место существованию» – Нанси).

Известно, что в мире существует более 2000 языков, и все они чем-то непременно отличаются друг от друга. Культурная идентификация – самоощущение человека внутри конкретной культуры. Расовые, этнические, религиозные и иные формы дискриминации в конечном счете коренятся в эволюционной потребности индивида в определенных формах групповой идентификации. Группы, которые сумели добиться какой-то сплоченности, возможно, выжили лучше, чем те, которые не сумели ее добиться. Все общества обладают тем, что американский

футуролог Э. Тоффлер назвал «психосферой», которая охватывает их идеи начиная от общности и идентичности. Таким образом, идеи «принадлежности» или «общности» и акт идентификации с другими оказываются одной из фундаментальных скреп всех человеческих систем.

Преображение идентичности

Индивидуальная и групповая культурная идентичность изменялась в соответствии с историческими волнами парадигмальных преобразований. В течение десяти тысяч лет господства на планете сельского хозяйства индивиды чрезвычайно прочно идентифицировались с семьей, кланом, деревней, другими группировками, которые при всем том захватывали индивида при появлении на свет. Индивид рождался уже как член семьи и расовой группы. Он всю жизнь проживал в деревне, в которой родился, Религия задавалась ему родителями и местным сообществом. Таким образом, базисные индивидуальные и групповые культурные привязанности определялись при рождении. Групповая идентичность обычно оставалась постоянной на протяжении всей жизни человека.

После промышленной революции глубинная человеческая потребность в культурной идентификации сохранилась, но ее индивидуальная и групповая природа заметно изменилась. Отныне индивида поощряли за то, что он идентифицировался с нацией вместо Деревни. Классовое сознание служило еще одной формой идентификации и системы культурных предпочтений. Разделение породило совершенно новые культурные группировки. Сложился новый слой идентичности. Хотя многие из прежних форм идентификации сохранились, они были интегрированы с новым слоем того, что можно назвать идентифицирующими признаками. Некоторые из прежних идентификаций утратили свою эмоциональную силу, в то время как новые ее приобрели.

Промышленная революция ослабила семейные формы культурной идентификации, это выразилось, скажем, в том, что забота о престарелых была снята с детей и возложена на государство. Национальные привязанности стали сильнее, а местные связи слабее. Но и в этом случае господствующие идентификации, кроме профессиональных связей, по-прежнему фиксировались или в значительной степени предопределялись уже при рождении.

В современную эпоху характер культурной идентификации также меняется. При переходе к более гетерогенному, более дифференцированному обществу нам следует ожидать гораздо большего разнообразия идентификаций и группировок. Во всех высокотехнологических странах политическая жизнь все больше сегментируется, потребительский рынок отражает все более разнообразные индивидуальные и групповые потребности. Все большее число субкультур отпадает от господствующих ценностей общества. Те же самые центробежные процессы действуют внутри самих меньшинств.

Что касается расовых, этнических и религиозных подгрупп в каждом обществе, то они сегментируются на меньшие, более разнообразные мини-группы. Уже просто неверно считать чернокожих американцев гомогенной группой или включать в одну группу всех выходцев из Латинской Америки. Если говорить по существу, то меняется само понятие, конституирующее политически значимые меньшинства. Различия, которые раньше считались незначительными, приобретают культурное и политическое значение.

Не случайно мы становимся свидетелями агрессивной самоорганизации со стороны таких групп, как престарелые, страдающие физическими недостатками, гомосексуалы, ветераны войны, которые считают, что массовое общество несправедливо обходится с ними. Возникают новые идентификационные группы, и этот бурный социальный процесс получит решающее ускорение благодаря демассифицированным средствам массовой информации – специально адресованным публикациям, кабельному телевидению, спутникам связи, видеокассетам и т. п.

Кроме того, индивид оказывается все менее связан контекстом своего рождения и получает больше возможностей выбора в самоопределении. Конечно, мы по-прежнему рождаемся как члены семей и расовых групп, однако очевидно, что с нарастанием современных цивилизационных преобразований многие люди приобретут большую возможность в выборе культурной идентичности в соответствии с усилением индивидуальности и гетерогенности в новой социальной структуре. Заметно ускоряются отныне и темпы социальных и культурных изменений, так что идентификации, которые выбираются, становятся все более кратковременными. Новые формы самоотождествления накладываются на прежние, возможно, более глубоко укорененные, слои расовой и этнической идентичности.

Этническое сознание предполагает идентификацию индивида с историческим прошлым данной группы и акцентирует идею «корней». Мирозозерцание этнической группы вырабатывается с помощью символов общего прошлого – мифов, легенд, святынь, эмблем. Эта культурно-историческая преемственность в жизни этноса – величина динамическая и переменная. Так, американские ирландцы представляют собой более поздний, своеобразный вариант ирландского этноса, сформировавшийся в особых экономических и политических обстоятельствах. Этот этнос обладает некоторыми собственными символами и историческими воспоминаниями, что отнюдь не колеблет этнического единства ирландцев по обе стороны океана.

Идея этноса включает представление о социокультурной групповой специфике, а также о физических и квазифизических отличительных признаках. Причем сознание «особенности», «непохожести» на других разделяется самими представителями данного этноса, а не только фиксируется посторонним взглядом. Этнос – категория соотносительная, лишённая смысла вне полиэтнической системы отношений. К примеру, понятие «датский этнос» наполняется конкретным социальным содержанием лишь в том случае, если рассматривать Западную Европу как некую единую систему, а Данию – как ее составную часть. Англичане представляют собой один из этносов Великобритании (этническое большинство) постольку, поскольку наряду с ними существуют шотландская, уэльская и ирландская этнические группы (меньшинства).

В этом смысле любую этническую культуру, независимо от ее масштабов и удельного веса, следует мыслить как субкультуру в рамках плюралистической культуры данного общества. Этнос не обязательно характеризуется единством территорий или кровным родством. Этнические группы крупнее кровнородственных и соседских групп, они более разбросаны и разветвлены. Народы-диаспоры, подвергшиеся превратностям рассеяния, миграций, коллективного изгнания, сохраняют ярко выраженную этническую определенность даже в случае отсутствия исходной или новообразованной территориальной базы.

Этнические категории обладают символической, эмблематической, знаковой природой как для сознания самих членов этнической группы, так и для посторонних. Поэтому символические аспекты территори-

альной и языковой общности подчас оказываются существеннее реальных; например, Иерусалим как символ исторической родины евреев или мечта черных мусульман о создании собственной страны на землях Миссисипи или Алабамы.

Единство этноса опирается на целостность этнической структуры, на функционирование этнического «субобщества», общины. Этническая структура – это арена наглядного проявления и воплощения этнической культуры и текущей жизни. Ежедневный труд, соседские отношения, совместная религиозная практика, политическая активность, экономическое поведение, досуг и развлечения – все это может быть в той или иной степени формой культурной идентификации.

Американскому социологу Г. Абрамсону принадлежит типология персонификаций, воплощающих в себе формы культурной идентификации.

Тип «традиционалиста». Это лица, разделяющие ценности данной культуры и интегрированные в соответствующую структуру. Автор подчеркивает новаторский дух этнических традиционалистов – представителей культурных меньшинств, компенсирующих творческими начинаниями маргинальность и неустойчивость своего общественного положения. Шотландцы в Британской империи, евреи в христианском мире, армянские и греческие купцы в диаспоре, китайцы Юго-Восточной Азии нередко оказываются инициаторами нововведений.

Тип «пришельца»-неофита. Сюда относятся люди, которые включены в структурную систему этнических связей, но не имеют наследственных корней в соответствующей этнической культуре – она не составляет их внутреннего духовного достояния, не интериоризована ими. Ранняя идентификация «пришельца» протекала за пределами культурной общности, к которой он примкнул. Он ощущает себя на пороге совершенно нового культурного опыта. Отсюда чувство неуверенности и маргинальности, более острое, нежели маргинальность «традиционалиста», который одиночество среди иноплеменников компенсирует взаимопониманием с соплеменниками. Врастая в чужую структуру, человек предварительно или одновременно вживается в ее культурные ценности и символы.

Тип «изгнанника». Он противоположен «пришельцу»-неофиту. Речь идет об утрате первичных социальных связей с соплемен-

никами при сохранении этноса и символических традиций родной культуры. Духовный опыт изгнанника – это прежде всего опыт изоляции и одиночества. Житейские типы «изгнанника» встречаются на разных уровнях социально-классовой системы: китаец-прачка или владелец ресторана, иностранный чернорабочий, еврей при дворе немецкого князька в XVII–XVIII вв.

Тип «евнуха». Это лица, лишенные памяти о каком-либо культурном прошлом, не обремененные никаким традиционно-символическим наследием и в повседневной жизни не вросшие в какую-либо социокультурную среду. В отечественной литературе такой тип именуется, по Ч. Айтматову, как «манкурт», т.е. человек, лишенный корней. «Евнух» – тип, противоположный «традиционалисту». Классическим его образцом можно считать евнуха при дворе восточного деспота. Евнух в гареме, янычар в войске, телохранитель-кавас в иностранном посольстве, христианин-вероотступник, ставший визирем при стамбульском дворе, – таковы формы утраты прежней культурной идентичности в эпоху османского владычества.

В современную культурологию входит еще одно понятие, служащее оппозицией нормальной, культурной идентичности, – «маргиналы». Это слово появилось во Франции как имя существительное в 1972 г. Маргиналами стали называть тех, кто сам отвергает общество либо оказывается отринутым им. Маргинальность – это не состояние автономии, а результат конфликта с общественными нормами, выражение специфических отношений с существующим общественным строем. Маргинальность не возникает вне резкого реального или вымышленного столкновения с окружающим миром.

По мнению французского социолога А. Фаржа, уход в маргинальность предполагает два совершенно различных маршрута:

либо разрыв всех традиционных связей и создание собственного, совершенно иного мира;

либо постепенное вытеснение (или насильственный выброс) за пределы законности.

В любом варианте, будь то результат «свободного» выбора или следствие процесса деклассирования, который провоцируется напуганным обществом, маргинал обозначает не изнанку мира, а как бы его омуты,

теневые стороны. Общество выставляет отверженных напоказ, чтобы подкрепить свой собственный мир – тот, который считается «нормальным» и светлым.

Современная демократия ориентируется на растворение социо-культурных групп в обезличенном «массовом» обществе, не на индивидуальную и групповую идентичность людей, а на общество как многоединство. Эта концепция, по мнению Е.Б. Рашковского исходит из принципа единства человеческой природы в живом многообразии ее конкретных проявлений. Принцип соблюдения человеческого достоинства людей различных культурных ориентации и убеждений – вот краеугольный камень современного демократического, плюралистического и правового общежития.

Несмотря на то, что словарь нового мышления подготовлен всего несколько лет назад, можно констатировать, что трактовка понятия уже во многом устарела. Говоря о маргиналах, мы имеем в виду сегодня не только аутсайдеров общества, которые могут взять на вооружение тоталитаристские и человеконенавистнические идеологии. Проблема не только в том, чтобы обезопасить общество от маргинальных групп. Маргинальность вообще становится универсальным феноменом. Многие люди оказываются как бы между культурными обозначениями. В мире немало людей, которых называют полукровками. Многие не могут четко идентифицировать себя ни с одной культурой. Они оказываются между, допустим, традиционной и современной культурами, между различными вероисповеданиями и т.д.

Современное общество плюралистично. Поэтому каждый человек вынужденно взаимодействует с различными эталонными культурными системами. Он включен в различные социальные миры. Это и порождает маргинальность, поскольку каждый из миров предъявляет человеку специфические и противоречащие друг другу требования.

Господствовавшая в предшествующие столетия универсализирующая тенденция развития культуры в XX в. сменилась бурным ростом национального и расового самосознания. Не удивительно, что в начале века многим исследователям казалось, будто национальные различия стираются. Но не будем торопиться с выводами.

Национальная идентичность

В связи с этой ситуацией рождается группа вопросов. Насколько сейчас возможна национальная идентификация и каковы границы? Каковы современные формы мессианизма? Что явится альтернативой современному национализму? Обсуждение этих вопросов стимулирует интерес к культурологии. Многие актуальные проблемы осмысливаются сегодня в специфических культурологических терминах.

Национализм – идеология культурного верховенства той или иной нации. В русской философии этой теме уделяли немалое внимание многие мыслители, в частности Н.А. Бердяев. В жизни каждой нации, по его мнению, складываются периоды расцвета и увядания, времена высшего напряжения духовных сил и отрезки истории, когда обнаруживается слабость конкретных наций. Поэтому в мозаике культур рождается определенная иерархия. Нация, следовательно, – не абстрактно-социологическая, а историческая категория. Она является порождением своеобразной исторической действительности. Бытие нации не определяется и не исчерпывается ни расой, ни языком, ни религией, ни территорией, ни государственным суверенитетом, хотя все эти признаки важны для обнаружения национального бытия.

В советские времена в классе учились представители разных национальностей. Однако большая часть этих детей были обрусевшими. Приобщаясь к русской культуре, ребята не ощущали в полной мере болезненных проблем национальной идентичности. К тому же идеология национализма осуждалась. Воспитанные в традициях интернационализма, школьники не несли тяжелого бремени острых этнических проблем.

В наши дни ситуация радикально изменилась. Не только в России, но и в других странах вопрос об этнической тождественности оказался запутанным и мучительным. В самом деле, кого сегодня в США можно с полным правом назвать американцем? Коренных индейцев, тропических негров, выходцев из Старого Света или недавних иммигрантов, создавших собственные этнические города и поселки? К изучению этой проблемы привлечены сегодня этнографы, психологи, социологи, философы. Возникли новые и подчас неожиданные подходы к, казалось бы, давно изученной проблеме. «Что такое национализм по своей сути: политический принцип или инструмент эмоционально-

го сплочения?»¹. Заметим, что связь национализма с реальным этническим сознанием в данной работе, основанной на многочисленных западных источниках, вроде бы даже не возникает. Ценность статьи в том, что она раскрывает психологическое измерение проблемы.

К.С. Шаров справедливо отмечает, что взаимное проникновение и смешение различных национализмов может быть и относительно безопасным для наций, и представляющим для них серьезную угрозу. При этом расшатывание национальных сообществ может осуществляться как внешними, так и внутренними националистическими противоречиями. После самоликвидации СССР в 1991 г. некоторые государства Восточной Европы и Прибалтики оказались в ситуации «сцепленных» националистических программ, имевших в своей основе антисоветские настроения. Из-за этого формирование многих социальных институтов в них проходило по похожему сценариям. Но это пример «мирного» взаимодействия национализмов.

Хуже, если взрывчатая сила национализма разносит сообщество в пух и прах. Но как обуздать эту мощную деструктивную силу? Вероятно, прежде всего, ее нужно изучить, составив достаточно рельефный социопсихологический портрет различных разновидностей национализма. Когда фашистский режим в Германии стал укрепляться, известный немецкий философ Т. Адорно вместе с американскими коллегами завершил огромное исследование, которое называлось «Авторитарная личность». Нет сомнений в том, что эта работа сохраняет свое значение и сегодня, поскольку в ней содержится социологический инструментарий, позволяющий перейти от общих призывов и заклинаний к реальному рассмотрению назревшей проблемы.

Цель исследования Т. Адорно состояла в том, чтобы выявить скрытый смысл мнений, которые выражали участники эксперимента. В ходе количественного анализа постепенно вырисовывалась «концентрическая» структура предрассудка. Антиеврейские и антинегритянские настроения оказались не самостоятельными установками, а проявлением более общей расистской установки. Последняя же в свою очередь оказалась обна-

¹ См. Шаров К.С. Политика и эмоциональность в феномене национализма // Журнал «Личность, культура, общество». М., 2006. С. 51.

ружением социального мышления и поведения определенного типа, в основе которого коренится какое-то глубокое психическое предрасположение.

Источниками для фиксации стереотипных настроений послужили фразы из ежедневных газет, типичные остроты обывательских разговоров, реплики о представителях разных этносов. Так удалось зафиксировать основные комплексы, бытующие в национальном сознании. Т. Адорно установил, что невежество и путаница возникают как при отсутствии необходимой информации, так и при ее переизбытке. Но особенно ценно – исследователь показал, что страх и нежелание думать стимулируется всей системой образования. Нет сомнения в том, что именно школьный класс оказывается той площадкой, где обнаруживают себя противоречия этнических взаимоотношений.

В классе, кроме русских, украинцев, евреев, казахов, могут оказаться африканцы, выходцы из исламских государств, немало и полукровок, которые переживают мучительный процесс идентификации. Каким должно быть образование в полиэтническом пространстве? Как учителю выходить из трудных ситуаций, не оскорбляя национальной тождественности ребенка? К примеру, индийский мальчик привык даже к родителям обращаться на «вы». Он просто потрясен тем непочтительным тоном, которым ребята разговаривают с педагогом. Арабский мальчик, с детства знающий, что можно мечтать о невозможном, как это принято в его культуре, огорчен тем, что его называют «вруном». Воспитанный в исламских традициях ребенок поражен тем, что видит изображение Бога в учебнике, поскольку в его культуре это считается кощунством. Грузинский подросток оскорблен стремлением учителя сломить его самолюбие. Негритянский мальчик уязвлен тем, что получил нелестную «кличку». Девочка японских кровей из всех сил пытается «не потерять лицо», страшится коллективного мнения, но совсем не испытывает потребности в том, чтобы потропачивать с подругой.

Разность ментальностей обнаруживает себя и в учебном процессе. Кое-кто с трудом поднимается на вершины абстрактного мышления, постоянно требует конкретных иллюстраций, картинок. Кое-кому вообще не интересны разного рода примерчики. Он жаждет мыслительной активности. Иному тяжело писать, он человек устной культуры. Как справиться со всем этим разнообразием? Но главное – каким образом создать в

классе дружную, рабочую атмосферу? Помочь ребятам преодолеть этнические предрассудки.

К этим проблемам нельзя подходить сугубо инструментально. Важно осознать, что ситуация изменилась не в отдельном классе или отдельной школе, а в мире в целом. В новом столетии особую остроту приобрела проблема интеграционных культурных процессов. Разумеется, и прежде давали о себе знать сложности взаимодействия разных этносов в рамках поликультурных государственных образований. Противостояние Ирландии и Англии в рамках Великобритании, курдские конфликты в Турции и Ираке, противоречия между басками и испанцами, цепь конфликтов на Балканском полуострове. Но за последнее время ситуация радикально изменилась. Что же произошло во всем мире и, прежде всего, в нашей стране?

Широкую популярность в гуманитарном блоке знаний до недавнего времени получила концепция мультикультурализма. Она зародилась в конце XIX – первой половине XX века. Такие исследователи, как М. Херсковиц, Ф. Боас, К. Клакхон специально изучали взаимоотношения культур, рас, народов. Представленная культурными антропологами концепция аккультурации рассматривала контакты культур как двусторонний процесс. Однако реальная историческая практика далеко не всегда подтверждала выводы ученых.

К тому же американские и латиноамериканские исследования рассматривали в основном влияние европейской культуры на культуры других народов. Обратное воздействие фиксировалось формально и зачастую без особых аргументов. Крайне редко фиксировались спонтанные преобразования, приводящие к видоизменению двух культур, вступивших в контакт.

Однако концепция мультикультурализма сохраняла свою научную респектабельность. Предполагалось, что хорошим примером гармоничного сосуществования разных культур может служить Америка. Долгое время в США был популярным своеобразный праздничный ритуал, который символически отражал процесс мирной ассимиляции разных культур. На площади сооружался огромный плавильный тигль. К нему со всех сторон шли в национальных костюмах представители экзотических культур, они поднимались на помост, входили вовнутрь сооружения и выходили с другой стороны, облаченные уже в сюртуки, жилеты, шляпы. Так выражалась идея плавной американизации разных этносов.

Исследователи отмечали «пограничность» американской культуры. Находясь на стыке цивилизаций, Америка пыталась найти теоретическое обоснование проблемы сосуществования разных этносов. Порой оно виделось в виде многообразия самодостаточных культур, в других случаях – как последовательный процесс ассимиляции концепции «Доктрины Явственной судьбы», «Плавильного тигля». Иногда на теоретическом горизонте появлялись радикальные теории этноцентризма, афроцентризма, полицентризма. Нередко «инаковые» культуры утверждали собственную культурную исключительность, самодостаточность, превосходство над другими этносами. В этом варианте мультикультурный радикализм порождает национализм и расизм «наоборот» («Upside Down»), этнокультурную фрагментацию и сепарацию, перевертывание изначального смысла культурной множественности.

В результате особую остроту приобретала проблема культурной идентичности. Закрепившиеся представления об американской культуре как культуре в основе своей англосаксонской, отбросили на задворки цивилизационных процессов как представителей ряда европейских этнокультурных групп, так и представителей неевропейских рас и этносов. Оказалось, что культурному подавлению и процессам аккультурации подвергается ряд европейских, азиатских, семитских и африканских общностей. И вновь обозначился акцент на нетождественности многих культур.

Тем не менее мультикультурализм старался удержать позицию расового и этнического разнообразия в США. При этом одни исследователи ставили вопрос о неизбежном существовании доминирующей культуры, другие же – считали ее излишней. В американском сознании начался процесс, в ходе которого происходил пересмотр представлений о расовой и этнической иерархии. Проблема самоценности маргинальных, бесписьменных культур, которые считались до некоторых пор варварскими, получила развитие в концепции культурного релятивизма (М. Херсковиц, Ф. Боас). Согласно этой концепции, каждая культура, независимо от уровня ее производительных сил, имеет принципиально тот же уровень сложности, ценности и самобытности, что и любая другая. Каждая культура начинается рассматриваться как явление уникальное, не подлежащее кросс-культурному анализу.

Сторонники такого взгляда отвергали обязательность критерия прогресса.

Так сложился определенный комплекс представлений о том, как следует осуществлять культурную политику в условиях полиэтничности – от полной ассимиляции «инаковых» культур до навязывания доминирующей культуры. Разумеется, американский мультикультурализм имеет солидный практический аспект. В США развертывались государственные программы, которые включали в себя социальные, образовательные и культурные аспекты. Одна из важнейших целей политики мультикультурализма – создание и поддержание социокультурного равновесия в обществе.

Конец XX – начало XXI вв. ознаменовались крушением идеи мультикультурализма. Идея равенства наций и государств стала подвергаться резкой критике. Американский социолог Патрик Бьюкенен пишет: «Неужели все наши рассуждения о равенстве народов – не более чем самообман? Неужели происходящее сегодня – только прелюдия к возобновлению схватки за власть над людьми и народами, схватки, которую богатый, но оскудевающий людьми и вымирающий Запад, с его отвращением к войне, возвращенном на бойнях и ужасах двадцатого века, обречен проиграть?»²

Вот некоторые узловые точки развертывающихся на наших глазах этнических и культурных конфликтов. Мексика исторически настроена против США, мексиканцы, мягко говоря, недолгобливают северного соседа. Они считают, что американцы лишили их страну половины законной территории. Ныне в США граждане мексиканского происхождения составляют не менее одной пятой от общего количества жителей страны плюс как минимум миллион добавляется к их числу каждый год. У мексиканцев не только иная культура – в массе своей они принадлежат к другой расе, а история и житейский опыт подсказывает, что людям разных рас сложнее ассимилироваться, нежели «родичам по расе». Шестьдесят миллионов граждан США, претендующих на немецкое происхождение, ассимилировались в Америке полностью, чего не скажешь о миллионах выходцах из Азии и Африки, и поныне не имеющих равных с белыми прав.

В отличие от иммигрантов прошлых лет, навсегда порвавших с отчизной перед тем, как взойти на борт корабля, мексиканцы от-

² Патрик Дж. Бьюкенен, Смерть Запада. М., 2004, с. 169.

нюдь не порывают связей с родиной. Миллионы из них не испытывают ни малейшего желания учить английский язык или принимать американское гражданство – их дом Мексика, а не Америка, и они кичатся тем, что по-прежнему остаются мексиканцами. В Америку они пришли, чтобы получить работу. Вместо того, чтобы постепенно ассимилироваться, они создают в американских городах «маленькие Тихуаны» – все равно как кубинцы с их «Малой Гаваной» в Майами. Разница между мексиканцами и кубинцами лишь в том, что первых в Америке в двадцать раз больше, нежели вторых. Они имеют собственное радиовещание и телевидение, собственные газеты, фильмы и журналы. Мексиканские американцы создают в США испаноязычную культуру, отличную от американской. Иначе говоря, фактически становятся нацией внутри нации.

Волны мексиканской иммиграции накатываются ныне уже не на ту Америку, которая принимала у себя европейцев. У других американских меньшинств сложилась убежденность в тезисах расовой справедливости и этнического равенства. Эти тезисы поддерживает и их культурная элита, которая отказалась от идеи Америки как «плавильного тигля» и ратует за прелести мультикультурализма. Сегодня этническим меньшинствам «настоятельно рекомендуется» придерживаться национальной идентичности – разумеется, вследствие этого мы наблюдаем резкий всплеск национализма.

Если рассматривать глобализацию как естественное следствие всемирной технологической революции, то без глобальной миграции не обойтись. «Иммиграция, – считает Бжезинский, – является экономической и политической необходимостью для более процветающих стран со стареющим населением, а эмиграция может выполнять роль клапана для регулирования поднимающегося демографического давления в более бедных и густонаселенных странах «третьего мира»³. И опять-таки взрыв бурных эмоций, который обнаружился во Франции, не дал рецептов для снятия такого напряжения. Радикалы из мусульманской среды убедились в том, что они могут решать собственные проблемы путем бунта, саботажа, поджогов, терроризма. Это означает, что ядро иных цивилизаций в культурном теле коренных народов Старого Света может обнаружить

себя с огромной силой. И в этом случае Европа никогда уже не станет равным игроком в геостратегической сфере.

Одним из самых значительных событий прошлого года стал произошедший весной взрыв цивилизационных напряжений в Европе, особенно во Франции. Вспомним пылающий Париж, толпы бунтующих мусульман-французов, создавших условия для крупнейшего политического кризиса в Европе. Адекватных шагов для снятия этого напряжения Европа и Франция сделать не смогли, напротив, только утвердили радикально мусульманскую часть своего населения во мнении, что она может решать свои проблемы посредством бунта, саботажа, поджогов, терроризма. Это очень серьезные события, поскольку плацдармы иных цивилизаций в теле коренных народов Старого Света могут проявить себя очень быстро и даже под влиянием толчка извне (со стороны тех же США), дабы Европа никогда уже не стала равным игроком в геостратегической сфере и не мешала Штатам проводить свою гегемонистскую внешнюю политику.

Однако не вся Европа сделала из этой трагедии правильные выводы. Например, власти туманного Альбиона испугались настолько, что британские законодатели запретили в канун Рождества вывешивать христианские рождественские символы в офисах и на предприятиях, чтобы не обидеть работающих там мусульман. Но такая политкорректность унижает христиан и одновременно вызывает к ним, к английским властям, презрение мусульман.

К 1980-м гг. прошлого века в Советском Союзе назрели серьезные кризисные явления. Национализм и национальные движения развивались и усиливались за счет упадка советской системы. После самоликвидации СССР в начале 1990-х гг. национализм на постсоветском пространстве на короткий период достигает своей высшей точки, которая вызвала военные конфликты. Но уже после 1993 г. на большей части постсоветского пространства начинается процесс стабилизации национальных противоречий. Национальные идеалы во многом утрачивают свою привлекательность в глазах граждан вновь образованных государств, поскольку большинству из них национальные конфликты и распад СССР не принесли ничего, кроме новых трудностей.

Однако сегодня национальные напряжения нашли отражение и в нашей Кондопоге. Эффективные решения межэтнических проблем пока не выработаны, что подтвержда-

³ Бжезинский З. Великая шахматная доска. М., 1997, с. 40.

ет: Россия в этом смысле находится в тупике и выход из него должен быть найден как можно быстрее, иначе жить придется с мыслью о том, что межцивилизационная война может быть развязана на территории страны в любой момент...

Культура постмодерна принципиально ацентрична. Иначе говоря, она отказывается от признания существования приоритетных (как в пространственном, так и в ценностном измерении) точек и осей. Национальные традиции, сами культуры сегодня находятся в интенсивном процессе смешивания. Ж.-Ф. Лиотар показывает, что эклектизм является нулевой степенью общей культуры. По радио слушают реггей, в кино смотрят вестерн, на ланч идут в McDonalds, на обед в ресторан с общей кухней, употребляют парижские духи в Токио и одеваются в стиле ретро в Германии. Универсальные традиции не рождаются, поскольку сталкиваются ценности и установки принципиально несовместимые. Принцип линейности, который соответствовал развитию традиционной культуры, утрачен. Культура становится «монстром», в который вплетены радикально отличные и притом самостоятельные, равноправные парадигмы. Здесь нет возможности создать даже «временный консенсус» для языковых игр. Тем более выработать некие универсальные мета-предложения.

Как может вести себя человек внутри данного культурного коллажа? Ему предстоит утвердить собственную позицию, но это невозможно, поскольку пестрота культурных феноменов заставляет его обживать их без оценки и контроля. Разве можно в этой ситуации зафиксировать самоидентичность своего себя и своей личности. Даже индивидуальная биография не получает в таких условиях собственной онтологической подтвержденности. Если индивидуальная судьба могла оцениваться, допустим А. П. Чеховым, как «сюжет для небольшого рассказа», то для культуры постмодерна такая определенность ускользает. Биография превращается в демонстрацию множественного варьирования автономных, релятивных версий биографии – в диапазоне от текста Р. Музиля «О книгах Роберта Музиля» до работы Р. Барта «Ролан Барт о Ролане Барте».

Личность отождествляет себя через различные повествования. Но в какой мере все это относится к конкретному человеку? История жизни индивида не воссоздается, а изобретается, конструируется. Рождается феномен, который постмодернисты, опира-

ясь на разнохарактерные клинические истории, называют «кризисом судьбы». Индивидуальное жизнеописание утрачивает статус судьбы. Она превращается в некий «рассказ-повествование», который отрывается от почвы реальной истории. Возникают версии, но какая из них предпочтительнее, достовернее? На этот вопрос нет ответа.

Может быть, в каждом индивиде заложено тайное стремление избавиться от идеи своего существования, от своей сущности с тем, чтобы обрести способность размножаться и экстраполировать себя во всех направлениях? Но последствия такого распада фатальны. Всякая вещь, теряющая свою сущность, подобна человеку, потерявшему свою тень; она погружается в хаос и теряется в нем⁴.

Однако следует подчеркнуть, что сами постмодернисты не отказываются от разработки коммуникационной программы, которая могла бы воскресить субъекта. Свое вдохновение они черпают в «диалогической философии», которая оконтурилась во второй половине XX в. Диалогическое видение личности.

«Вся реальная жизнь – это встреча». В диалогическом видении мы становимся личностями в том, что М. Бубер называет отношением «Я – Ты» – прямым, взаимным, настоящим отношением между личностью и тем, кто приходит встретиться его или ее, как противостоящее непрямому, невзаимному отношению «Я – Он». «Я – Ты» есть диалог, в котором другой воспринимается в ее или его неповторимой инаковости и не сводится к содержанию моего опыта. «Я – Он» есть монолог, субъект-объектное отношение познания и использования, которое не допускает существования другого как цельной и уникальной личности, а лишь абстрагирует, редуцирует и категоризует. В «Я – Он» лишь часть человеческого существа – рациональная, эмоциональная, интуитивная, чувственная – вступает в отношение; в «Я – Ты» все существо вступает в отношение целиком.

Со свободной личностью контрастирует индивид, который характеризуется произвольной самоволей или своеволием, постоянно стремится использовать внешний мир для своих целей. Это не значит, что свободная личность действует лишь внутри себя. Напротив, только он или она видят новое и неповторимое в каждой ситуации, тогда как несвободная личность видит лишь свое

⁴ Бодрийяр Ж. Прозрачность зла, М., 2006, с. 12.

сходство с другими. Но то, что приходит к свободной личности извне, есть лишь предусловие его или ее действия, не детерминирующее его природу. Несвободная личность делает волю к власти ценностью в себе, отделенной от воли к диалогу, неизбежным результатом чего является использование других для своих целей.

Это верно даже относительно доктора и психотерапевта, которые предоставляют другим техническую помощь, не вступая в отношения с ними. Помощь без взаимности, писал М. Бубер, это самонадеянность, попытка практиковать магию. Как только у помогающего пробуждается даже в самой тонкой форме желание господствовать над пациентом, пользоваться им, или же трактовать волю последнего быть подчиненным не как ложное условие, подлежащее лечению, тогда возникает опасность фальсификации, которая хуже всякого знахарства.

Отношение к Другому является определяющим в эпоху плюрализма и массовой коммуникации. Другой может выступать в разных ипостасях.

1. Другой как посторонний, чужой, носитель угрозы;
2. Другой как партнер по коммуникации, необходимое звено диалога и самоидентификации;
3. Другой – во мне.

Очевидно, в условиях единого многополярного мира непродуктивен враждебный подход к инаковости Другого. Вместе с тем позиционирование Другого есть необходимый момент консолидации, инкорпорации культурного организма. Это и сплачивает социум, и одновременно является условием существования демократического общества, когда свобода каждого есть условие свободы для всех, и каждый свободен только в той степени, в какой свободны другие. Информационное общество предполагает тотальную коммуникативность, и Другой – это не только необходимый партнер по коммуникации, но и то, что позволяет индивиду не повторяться до бесконечности.

Литература

1. *Бодрийяр Ж.* Прозрачность зла. М., 2006.
2. *Бубер М.* Два образа веры. 1995.
3. *Бьюкенен П.Дж.* Смерть Запад. М., 2004.
4. *Гуревич П.С.* Приключения имиджа. М., 1991.
5. *Шаров К.С.* Политика и эмоциональность в феномене национализма // Журнал «Личность. Культура. Общество». М., 20.

Автокоммуникативный способ передачи информации от Я к Другому – во-мне предполагает бесконечный диалог с самим собой, являющийся основой самоанализа и размышления вообще. Наиболее зримо автокоммуникация происходит в снах и воспоминаниях, видениях и галлюцинациях как психических состояниях, проявляющих собственное Оно-Бессознательное, причем Оно выступает как язык, речь Другого, инакового к «Я». Человек детерминирует организацию мира, а именно: организация хаоса происходит путем проекции субъективного сознания на реальность; иными словами, индивид выносит свою внутреннюю сущность на границу с внешним пространством, помещая себя на воображаемой оси, организующей мир. Макрокосмос конституируется моделями и законами микрокосмоса, человек выступает вынесенным «механизмом», проецирующим образы микромира на макромир на основе принципа случайности, или субъективной игры, или потока ассоциаций.

Проблема Другого-во-мне связана с двойничеством. Двойник выступает воплощением амбивалентности и двойственности всего сущего, выражая ложную ценность, он есть симулякр реальной ценности. В двойничестве нельзя точно определить место наблюдателя; к тому же наблюдатель в любой момент может исчезнуть, оставив взамен своих двойников. Неразличимость клонов, их неотличимость от оригинала снимает проблему авторства повествователя.

Н.А. Бердяев рассматривал проблему личности как основную для философии. Когда человек рождается, он осознает себя индивиду. Он может сказать о себе: «Я». Но означает ли это, что сформировалась личность? Нет, Я – это изначальная данность. Личность же, по мнению Н.А. Бердяева, не есть данность, она складывается, развивается, обогащается, становится собою. В этом существенное отличие индивида от личности. Безличность не нуждается в самоотождествлении. Идентичность – привилегия личности.